

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
anastakot@gmail.com

ИСТОЧНИКИ И РЕЦЕПЦИЯ CATULL. 3 КАК СРЕДСТВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТОНАЦИИ ТЕКСТА

Для понимания лирического текста важно улавливать его интонацию. Целью статьи является определение интонации третьего стихотворения сборника Катулла, которое написано на смерть птенчика Лесбии. Нередко в научной литературе эти стихи называют юмористическими или даже пародийными. Для определения интонации текста автор статьи опирается на доводы внешнего характера – анализирует, какое место *carm. 3* занимает в античной традиции стихотворений на смерть животных. В качестве источников рассматриваются эллинистические эпитафии домашним питомцам, которые в литературе делят на серьезно-сентиментальные, пародийные и «эпитафии с пунтой». Делается вывод о том, что *carm. 3* по своим мотивным и стилистическим характеристикам приближено к эллинистическим сентиментальным эпиграммам на смерть животных. Затем рассматривается рецепция стихотворения Катулла в латинской литературе на примере элегии Овидия (Am. II, 6), стихов Марциала и стихотворной надписи на мраморной плите II в. н. э. (CEL 1512). Весь проанализированный материал позволяет оспорить точку зрения о пародийности и ироничности *carm. 3* и заключить, что Катулл продолжает традицию эллинистических сентиментальных эпитафий на смерть домашних животных, а не пародирует ее; и именно так его стихи воспринимались античными читателями.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, *carmen 3*, рецепция, источники

Для правильной интерпретации художественного текста, особенно лирического, важно понимать его настроение, иначе говоря – интонацию. Между тем именно этот элемент最难的 всего передается читателям других эпох и культур.

В статье речь пойдет о настроении стихотворения на смерть птенчика Лесбии – Catull. 3. Среди ученых нет единого мнения относительно характера этих стихов: *carm. 3* определяют как пародию на плач [7: 110–111]¹, ироническую стилизацию [9: 200], [16]², любовную лирику [6: 92], [12: 32]³.

В данной статье для определения интонации текста мы будем опираться на доводы внешнего характера – иными словами, рассмотрим, какое место стихи Катулла занимают в античной традиции стихотворений на смерть животных. Комментаторы не раз возводили стихи на смерть птенчика Лесбии к эллинистическим эпитафиям домашним питомцам [6: 92]⁴, многочисленные образцы которых сохранила седьмая книга Греческой Антологии (189–216). Своеобразная мода на них возникает в начале III в. до н. э., отвечая таким общим тенденциям эллинистической поэзии, как интерес к «домашним» сюжетам и эмоциям частных лиц, расширение рамок привычных жанров, сочетание сентиментальности и литературности (эпиграммы на смерть животных строятся по тем же законам, что и эпидидии по людям). Наряду с книжными эпитафиями, мы располагаем и подлинными эпиграфическими

стихотворениями, найденными на надгробиях домашних животных⁵.

Родоначальницей жанра эпитафий животным считается Анита из Тегеи, аркадская поэтесса IV–III в. до н. э. Под ее именем дошли пять эпиграмм такого рода: о лошади, павшей в бою (AP VII, 208), о собаке, умершей от укуса змеи (Poll. V, 48), о цикаде (AP VII, 202), о выброшенном на берег дельфине (AP VII, 215)⁶ и о саранче с цикадой (AP VII, 190). Всем этим эпиграммам свойственен мягкий тон, чувствительность и идиллический сельский колорит⁷.

Герхард Херрлингер в диссертации, посвященной античным эпидидиям по животным, разделяет эпиграммы на смерть домашних питомцев на три группы:

– серьезно-сентиментальные, куда он относит стихотворения Аниты, Никия из Милета (AP VII, 200), Памфилия (AP VII, 201), Симии Родосского (AP VII, 203; Poll. V, 48), Мнасалка из Сикиона (AP VII, 212; 192; 194), Леонида Тарентского (AP VII, 198), Стация (Silv. II, 5) и др.;

– пародийные, к которым причисляются эпитафии Мелеагра (AP VII, 207), Марка Аргентария (AP VII, 364), Катулла (*carm. 3*), Овидия (Am. II, 6), Стация (Silv. II, 4) и др.;

– «эпитафии с пунтой», каковыми он считает стихотворения Антипатра Сидонского (AP VII, 209–210, 216; IX, 417), Германика (AP IX, 18), Марциала (IV, 32) и др. [11: 14–39].

Последние из перечисленных эпитафий риторичны (в отличие от второй группы, где риторика обслуживает пародию, здесь она самоцельна) и ситуативны: иными словами, главный акцент в них делается на необычности, даже фантастичности обстоятельств смерти⁸. Поэты интересуют не похвала умершему и не описание чувств скорбящих, а изложение нетипичной ситуации. Хотя Х.-Я. Ван Дам и называет границы между этими тремя группами «размытыми» [15: 337], в целом классификация Херрлингера кажется нам рациональной; иначе обстоит дело с распределением конкретных стихотворений по группам. Как мы видели, Херрлингер относит Catull. 3 к числу пародийных эпидиев; однако между катулловским стихотворением и «серьезно-сентиментальными» эллинистическими эпиграммами на смерть животных можно найти целый ряд сюжетных и мотивных параллелей. Во-первых, их объединяет мотив ухода покойного по дороге в подземное царство:

φέο γὰρ πυμάταν εἰς Ἀχέροντος ὄδον (AP VII, 203); σὰ δ' ἥθεα τὸ σὸν ἄδυ / πνεῦμα σιωπηρὰν νυκτὸς ἔχουσιν ὄδοι (AP VII, 199); νῦν δὲ τὸ κείνου / φθέγμα σιωπηρὰν νυκτὸς ἔχουσιν ὄδοι (AP VII, 211) – qui nunc it per iter tenebricosum / illuc, unde negant redire quemquam.

Во-вторых, в «серьезных» эллинистических эпитафиях животным встречается мотив слез хозяйки: παρθένιον στάζασα κόρα δάκρυ (AP VII, 190) – flendo turgiduli rubent ocelli. Кроме того, о домашнем питомце, которого хозяйка носила в складках одежды (ἐν κόλποις στέργουσα διέτρεφεν ἀ γλυκερόχρως / Φανίον (AP VII, 207) – nec sese a gremio illius movebat), говорится как о радости для нее: δισσὰ γὰρ αὐτᾶς / παίγνια (AP VII, 190; речь идет о двух питомцах: цикаде и саранче) – deliciae meae puellae.

Напротив, другие стихотворения, которые Херрлингер относит к пародийному разделу, содержат ряд общих черт, отсутствующих у Катулла. Это, во-первых, утрированная риторичность (в стихах Катулла о птенчике риторики нет вовсе); во-вторых, нарочито преувеличенные похвалы покойному (воспевается не только его смышленость и преданность хозяевам, но и добродетель, воздержанность, мудрость, любовь к искусству и т. п.); в-третьих, упоминание мифологических имен (умершего встречают боги подземного царства, он сравнивается с великими героями). В сущности, пародийные эпитафии этого рода строятся по одной модели: комический эффект возникает из-за того, что стандартная схема эпидиев по человеку применяется к животному⁹.

Для того чтобы определить, какой виделась интонация катулловского стихотворения римским читателям, обратимся к его рецепции в латинской литературе. Стихотворения о птенчике (Catull. 2 и 3) еще в античности были, по-видимому, самыми известными из всех произведений Катулла – упоминания о passer или

Лесбии, оплакивающей своего покойного питомца, неоднократно встречаются у авторов.

Во вторую книгу «Amores» Овидия входит пространная элегия на смерть попугая Коринны (II, 6), которая воспринимается читателями на фоне Catull. 3 [5: 337], [14: 108]¹⁰; некоторые исследователи¹¹ даже говорят – на наш взгляд, неосторожно – о прямом подражании Овидия Катуллу¹². В то же время заметим, что в элегии Овидия – при всей любви этого автора к интертекстуальным отсылкам, игре с цитатами и всякого рода поэтическим состязаниям – нет прямых перекличек с Catull. 3 (и Catull. 2)¹³. В противоположность своей обычной практике Овидий предпочитает полностью дистанцироваться от своего знаменитого предшественника. Чем это вызвано? На наш взгляд, именно тем, что стихи двух поэтов, схожие по тематике, абсолютно различны по интонации: Овидий пишет риторическую пародию, в которой ассоциации с трогательным стихотворением Катулла оказались бы лишними¹⁴.

Сравним Catull. 3 и Ov. Am. II, 6. Овидий применяет простой, но эффективный метод: он создает надгробную речь по попугаю, как по человеку¹⁵ [14: 108]. В его элегии присутствуют все характерные элементы, предписываемые традицией для oratio funebris: exordium (призыв скорбеть; стт. 1–16), laudatio et lamentatio (стт. 17–42), descriptio morbi et mortis (стт. 43–48), consolatio (стт. 49–58), descriptio sepulcri (стт. 59–62)¹⁶.

Катулл же не придерживается подобной структуры. В противоположность элегии Овидия (и, кстати говоря, поэме «Culex») в его стихотворении отсутствует сколько-нибудь развернутое описание загробного мира. К тому же, в отличие от попугая и комара, которые попадают в Элизиум, птенчик Лесбии разделяет долю каждого человека: qui nunc it per iter tenebricosum / illuc, unde negant redire quemquam.

Кроме того, Овидий, в отличие от Катулла, многословен и риторичен: к примеру, О. Риббек именно в этом утрированном красноречии видит доказательство ироничного характера Am. II, 6¹⁷.

Кажется, что если бы Овидий подражал Catull. 3 или состязался с ним, то он хотя бы частично использовал его лексику. На деле же поэт намеренно отдаляет свою элегию от стихотворения Катулла – как справедливо заметил Фергюсон [5: 353], Овидий не взял у предшественника ничего, кроме идеи. В Am. II, 6, на наш взгляд, следует скорее видеть пародию на целую традицию эпитафий животным.

Больше всего упоминаний о «“Птенчике” / птенчике Катулла» находим у Марциала: I, 7, 3–5; 109, 1; IV, 14, 14; VII, 14, 4; XI, 6, 16; XIV, 77. В одних случаях слово passer обозначает саму птичку, в других – диптих Catull. 2 и 3, который Марциал объединяет одним заглавием¹⁸.

Так, в I, 7 речь идет о поэме Стеллы «Голубка», которая лучше «Птенчика» Катулла:

Columba <...> vicit <...> Passerem Catulli; в эпиграмме IV, 14, посвященной поэту Силию Италику, говорится: *Sic forsan tener ausus est Catullus / magno mittere Passerem Maroni* («Так, пожалуй, и нежный Катулл посмел / “Птенчика” послать великому Марону»); в XI, 6 поэт обращается к возлюбленному: *Da nunc basia, sed Catulliana: / Quae si tot fuerint, quot ille dixit, / Donabo tibi Passerem Catulli* («Теперь покрой меня поцелуями, но по-катулловски: / Если их будет столько, сколько он сказал, / Я дам тебе “Птенчика” Катулла»). Собачка Публия Иесса в I, 109 «est passere nequior Catulli» («озорнее воробья Катулла»). *Apophoreton XIV, 77*, представляющее собой надпись на клетке из слоновой кости, звучит так: *Si tibi talis erit, qualem dilecta Catullo / Lesbia plorabat, hic habitate potest* («Если у тебя будет тот, о ком плакала милая Катуллу / Лесбия, он может жить здесь»).

В этой связи обращает на себя внимание цитата из Catull. 3, 1 в марциаловских стихах на смерть Париса (XI, 13, 7–8): *...atque omnes Veneres Cupidinesque / hoc sunt condita, quo Paris, sepulchro* («...и все Венеры и Купидоны / похоронены в одной с Парисом могиле»). Если бы стихи о птенчике Лесбии имели репутацию пародийных или хотя бы юмористических, намек на них в эпитафии казненному актеру, искусство которого Марциал оплакивает всерьез, был бы вызывающе неуместным.

В обсценной эпиграмме VII, 14 речь идет о девушке, которая лишилась возлюбленного. Стихотворение начинается так, будто героиня потеряла некоего домашнего питомца и глубоко скорбит:

Accidit infandum scelus nostrae, Aule, puellae; / amisit lusus deliciasque suas: / non quales teneri ploravit amica Catulli / Lesbia, nequitis passeris orba sui / vel Stellae cantata meo quas flevit Ianthis, / cuius in Elysio nigra columba volat... («Авл, наша девушка стала жертвой несказанного злодейства; / она утратила свою забаву и уладу: / не такие, о каких рыдала возлюбленная нежного Катулла / Лесбия, лишившись ласк своего птенчика, / и не такие, какие оплакала Иантида, воспетая моим Стеллой, / чья черная голубка порхает в Элизиуме...»).

Заключительная часть эпиграммы, однако, переворачивает ситуацию с ног на голову: оказывается, героиня и не стала бы плакать из-за таких пустяков, как Иантида или Лесбия (*pop capitur nugis neque moribus istis*), ее утрата серьезнее – двадцатилетний любовник, *mentula cui pondum sesquipedalis erat*. Как представляется, юмор Марциала основан на том, что стихи на смерть птенчика имели репутацию чувствительных, а не иронических: ведь поэту необходим как можно более резкий контраст между зачином эпиграммы и ее финалом¹⁹.

Наконец, катулловское *carm. 3* хорошо знал анонимный автор гендекасиллабов на смерть собачки Мии, которые высечены на мраморной плите II в. н. э., найденной в 1865 году в местечке Ош на юге Франции (CEL 1512). Многочисленные реминисценции из Катулла отмечаются комментаторами единогласно [3: 409], [6: 92–93], [16], однако относительно интонации эпитафии единого мнения нет. К. Квинн называет ее «*a charming parody*»²⁰; К. Р. Уолтерс считает, что эпитафия пропитана иронией и является (так же, как и *carm. 3*) пародией на погребальный плач по умершему питомцу. По мнению Уолтерса, автор строк вовсе не оплакивает смерть Мии, а, несомненно, рад избавиться от нее потому, что она мешала его любовным забавам [16]. Исследователь словно бы забывает, что перед нами не литературная эпитафия, а подлинное надгробие: нелюбимым собакам не ставят памятников, а литературные пародии не высекают на камне. Мы не можем согласиться с Уолтерсом; на наш взгляд, если автор эпитафии и почувствовал в стихотворении Катулла улыбку, то улыбку умиления – было бы странно, если бы при сочинении надписи на смерть питомца он стал опираться на текст, имеющий репутацию пародии.

Внешние доводы позволяют заключить, что стихотворение Катулла на смерть птенчика Лесбии по своим мотивным и стилистическим характеристикам приближено к сентиментальным эпиграммам на смерть животных, написанным в эллинистический период. С другой стороны, оно резко отличается от иронических греческих эпитафий на тот же сюжет, а также от стихотворения Овидия на смерть попугая Коринны, гиперболизация и риторичность которого не оставляет сомнений в его пародийном характере. Характер цитат из *carm. 3* у Марциала и в эпитафии CEL 1512 также указывает на то, что в последующей традиции эти стихи не воспринимались как юмористическая стилизация или пародия.

Оспаривая распространенную точку зрения, согласно которой *carm. 3* является юмористическим или даже пародийным, мы не предлагаем взамен считать его трагическим или скорбным. Мы постарались показать, что по своим мотивным и стилистическим характеристикам *carm. 3* тесно связано с эллинистическими сентиментальными эпитафиями на смерть домашних животных: Катулл продолжает и развивает эту традицию (например, вводя любовный мотив), а не пародирует ее. Именно так, по нашему мнению, воспринимали катулловское стихотворение его античные читатели – Овидий, Марциал и неизвестный автор эпиграммы CEL 1512.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А также: Катулл. Книга лирики / Пер., вступ. ст. и примеч. А. И. Пиотровского. Л.: Academia, 1929. С. 140; Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 214; Катулл. Лирика / Пер. с лат. М. Амелина. М.: Время, 2005. С. 154.

- ² А также: C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834. P. 3; Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2003. P. 207.
- ³ А также: Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973. P. 96.
- ⁴ А также: C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. S. 5.
- ⁵ Все сохранившиеся стихотворения такого рода собраны и проанализированы в [11].
- ⁶ Херрлингер отмечает заметную симпатию греков к мотиву утопленников и потерпевших кораблекрушение. Также в АР VII, 215 очевидна любовь эллинизма к «*Genrebild*», жанровой картинке (дельфин, лежащий на берегу) [11: 3].
- ⁷ См. комментированное собрание: [8].
- ⁸ Для примера перескажем АР IX, 18: заяц, спасаясь от собак, прыгнул в море, где был съеден хищной рыбой – «морской собакой»; теперь он сетует, что в мире нет безопасной для него стихии – включая небо, потому что там тоже есть Большой Пес.
- ⁹ Еще в одном случае выбор Херрлингера не кажется нам бесспорным. В пародийный раздел он относит эпиграфию Мелеагра из Гадары (I в. до н. э.) питомцу возлюбленной поэта – зайцу, умершему от переедания (АР VII, 207) [11: 29–30]. Д. Л. Пейдж также расценивает эти стихи как пародию на предшествующую традицию, выдвигая два аргумента: сюжетный и языковой. Первый заключается в «непоэтичной» причине смерти; второй – в торжественности, даже высокопарности языка. Контраст величавой лексики и нелепой ситуации придают стихотворению насмешливый характер [10: 642]. Однако говорить о языковых особенностях этой конкретной эпиграфии, на наш взгляд, непродуктивно: после Леонида Тарентского эллинистическая эпиграмма самых разных жанров вырабатывает единый язык, среди характерных черт которого – слова и выражения, встречающиеся в эпосе и драме. В этом отношении АР VII, 207 ничем не отличается от «серъезно-сентиментальных» эпиграфий животным: *ταχύποντος* (АР VII, 207, 1 и Eur. Troad. 232; IT 1270; Bacch. 169), *ἄνθεστιν εἰάριτοῖσιν* (АР VII, 207, 4 и Hom. II. II, 89), *πυκναῖς πτερύγεστον* (АР VII, 202, 1 и Hom. II. XI, 454; Od. V, 53), *μενεδάῖος* (АР VII, 208, 1 и Hom. II. XII, 247; XIII, 228), *ἐν νομῷ ὑλῆς* (АР VII, 203, 3 и Hom. Od. X, 159). Другая постоянная особенность постлеонидовской эпиграммы – пристрастие к составным эпитетам: в одном ряду с *ταχύποντος* и *γλυκερόβροχος* из АР VII, 207 стоят *πολύρριζος*, *φύλαρθογούς* (Anyte ap. Poll. V, 48, ст. 2), *μελεσίτερος*, *πανέσπερος* (АР VII, 194, 1; 3), *νεγγενῆς*, *νεοσποκόμος* (АР VII, 210, 1, 3), *δρυκοίτης* (АР VII, 190, 1), *ποδήνευος* (АР VII, 212, 1) и др.; о каком-то особенно торжественном тоне в эпиграфии Мелеагра говорить неуместно. Таким образом, на наш взгляд, пародийной интонации в этих стихах нет, и по сути они не отличаются от эпиграфий из «серъезно-сентиментального» раздела. Необычные обстоятельства смерти (переедание), с одной стороны, вносят в стихотворение реалистическую черту, а с другой, подчеркивают заботу, которой Фанион окружила питомца: «Я даже о матери своей не скучал, – говорит заяц, – да и умираю от обильной пищи».
- ¹⁰ Должно быть, Овидий хорошо знал стихи на смерть птенчика и почтил их автора, который успел за свою недолгую жизнь достичь поэтического совершенства, обращением *docte Catulle* (Am. III, 9, 62); см. об этом: [1: 397].
- ¹¹ Catullus / Ed. E. T. Merrill. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. P. 6; C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. S. 5; Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 215.
- ¹² По мнению Э. Лефевра, Овидий как бы воскрешает катулловского птенчика, только делает его во всех отношениях лучше: его птица (а) больше по размеру; (б) не простая, а экзотическая; (с) превосходит катулловского героя талантами, так как умеет говорить; (д) после смерти отправляется в Элизиум, в отличие от *passer* [13: 111–114].
- ¹³ Только в одном месте можно заметить своего рода полунаимек: в стихе *optima prima fere manibus rapiuntur avaris* (v. 39) Овидий имеет в виду руки Смерти, но эксплицитно этого не выражает. Эту трудность пытались преодолеть с помощью конъектур (*avaris*] *Avernus N. Heinsius*, *manibus*] *Parcis sive fatis L. Müller* и др.) или просодически неправдоподобного предположения, будто *manibus* вызывает ассоциации с *Mānibus*; подробнее см.: [14: 132]. На наш взгляд, Овидий, не договаривая до конца, отсылает читателя к стихам «*malae tenebrae / Orci, quae omnia bella devoratis*» из Catull. 3, 10–11.
- ¹⁴ Непонимание этого принципиального различия художественных задач порой приводит исследователей к необоснованным упрекам Овидию. Так, Дж. Фергиюсон называет элегию на смерть попугайчика «бесчувственной»: Овидий придает словесное выражение чужому опыта, заимствует у Катулла эмоции, чтобы облачить их в собственные слова; Катулл же заимствует выражения (из греческой традиции, например), чтобы выразить свои чувства [5: 353–356]. Ср. также: «В стихах Катулла сочетаются искусство и жизнь, Овидий же жизнь вычеркивает» [13: 116].
- ¹⁵ В таком же духе написаны пародийные эллинистические эпиграфии животным. По мнению Б. В. Бойд, и Катулл, и Овидий в равной мере обязаны эллинистическим эпиграммам [2: 201].
- ¹⁶ Происхождение такого строго структурированного типа плача не установлено. Эпидидии писали Арат, Эвфорион и Парфений (его эпидидию по жене Арете подражал друг и литературный соратник Катулла Лициний Кальв в плаче по своей жене Квинтилии). От эпидидиев дошли совсем немногочисленные фрагменты, поэтому не представляется возможным оценить, насколько сильно эллинистические эпиграфии повлияли на римских поэтов; см. об этом: [14: 109]. О жесткой структуре римского стихотворного эпидидия и ее пародировании у Овидия см. прежде всего: [4: 121 ff.].
- ¹⁷ Ribbeck O. Geschichte der Römischen Dichtung. Bd 2. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1889. S. 230.
- ¹⁸ Также *carm. 3* упоминается у Ювенала (VI, 7–8), где о Лесбии перифразически говорится: *cuīus / turbavit nitidos extinctus passer ocellos* («[та], чьи блестящие глаза омрачил умерший птенец»). В статье цитаты приводятся в переводе автора.
- ¹⁹ Попутно отметим, что эта марциаловская эпиграмма свидетельствует против гипотезы Полициано о том, что катулловский *passer = mentula* (см.: Gruterus J. Lampas, sive Fax artium liberalium. T. 1. Francofurti: e Collegio Paltheniano, sumitibus Iona Rhodii Bibliopolae, 1602. P. 16–17).
- ²⁰ Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973. P. 96.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2002. 704 с.
- Boyd B. W. The Death of Corinna's Parrot Reconsidered: Poetry and Ovid's «*Amores*» // The Classical Journal. 1987. Vol. 82. P. 199–207.
- Courtney E. Musa Lapidaria: A Selection of Latin Verse Inscriptions. Atlanta, GA: Scholars Press, 1995. X. 457 p.
- Esteve-Forgiol J. Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur nach ihrer Topik und ihrem Motivschatz. München: A. Schubert, 1962. XI. 175 s.

5. Ferguson J. Catullus and Ovid // *The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81. P. 337–357.
6. Fordyce C. J. *Catullus: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 1961. XXX. 422 p.
7. Forsyth P. Y. *The Poems of Catullus*. Boston: University Press of America, 1986. 569 p.
8. Anyte. *The Epigrams / A crit. ed. with comm. by D. Geoghegan*. Roma: Ateneo, 1979. 192 p.
9. Goold G. P. *Catullus 3. 16 // Phoenix*. 1969. Vol. 23. P. 186–203.
10. *The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / Ed. by A. S. F. Gow, D. L. Page*. Vol. 2. Cambridge: University Press, 1965. V. 716 p.
11. Herrlinger G. *Antike Tier-Epikedien: Inaug.-Diss*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1929. 56 s.
12. Johnson M. *Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal*. 2003. Vol. 99. P. 11–34.
13. Lefèvre E. *Die Metamorphosen des catullischen Sperlings in einen Papagei bei Ovid (Amores 2, 6) und dessen Apotheose bei Statius, Strozzi, Lotichius, Beza und Passerat // Ovid: Werk und Wirkung / Festgabe für M. von Albrecht zum 65. Geburtstag*. Frankfurt u. a., 1999. Bd 1. S. 111–135.
14. McKeown J. C. *Ovid. Amores: Text, proleg. and comm. Vol. 3*. Leeds: Francis Cairns, 1998. 433 p.
15. Van Dam H.-J. P. *Papinius Statius. Silvae. Book II: A Commentary*. Leiden: Brill, 1984. 539 p.
16. Walters K. R. *Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World*. 1976. Vol. 69. P. 353–359.

Kotova A. V., Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)

SOURCES AND RECEPTION OF CATULL. 3 AS MEANS OF DEFINING THE TEXT'S MOOD

It is very important to understand the mood of the lyrical text for its correct interpretation. The aim of this article is to define the mood of Catullus' *carm. 3*. Scholars often describe it as humorous and even derisive. To define the mood of the text the author examines external factors affecting *carm. 3*. The text is written in the ancient tradition reflected in the poems on the death of animals. Hellenistic epitaphs to pets are analyzed as sources. In scientific literature these epitaphs are divided into three groups: sentimental, mockery and “pointierte” epitaphs. The author concludes that Catullus' poem on the death of the *deceased* has common features with Hellenistic sentimental epitaphs. The perception of *carm. 3* in Latin literature is examined on the example of Ovidius's lamentation for Corinna's dead parrot (*Am. II, 6*), Martialis' epigrams and an inscription in memory of the dog Myia (CEL 1512). The analysis of these materials allows the author to argue against assertion that *carm. 3* is parodic and ironic by nature. The author comes to a conclusion that Catullus carries on a tradition of Hellenistic sentimental epitaphs on the death of pets, and his poem was understood this way by ancient readers.

Key words: poetry, Roman literature, Catullus, *carmen 3*, reception, sources

REFERENCES

1. Albrecht M. von. *History of Roman Literature / Translated by A. I. Lyubzin*. Vol. 1. Moscow, Yuri Shichalin's “Museum Graeco-Latinum”, 2002. 704 p. (In Russ.)
2. Boyd B. W. *The Death of Corinna's Parrot Reconsidered: Poetry and Ovid's «Amores» // The Classical Journal*. 1987. Vol. 82. P. 199–207.
3. Courtney E. *Musa Lapidaria: A Selection of Latin Verse Inscriptions*. Atlanta, GA: Scholars Press, 1995. X. 457 p.
4. Esteve-Forriol J. *Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur nach ihrer Topik und ihrem Motivschatz*. München: A. Schubert, 1962. XI. 175 s.
5. Ferguson J. *Catullus and Ovid // The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81. P. 337–357.
6. Fordyce C. J. *Catullus: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 1961. XXX. 422 p.
7. Forsyth P. Y. *The Poems of Catullus*. Boston: University Press of America, 1986. 569 p.
8. Anyte. *The Epigrams / A crit. ed. with comm. by D. Geoghegan*. Roma: Ateneo, 1979. 192 p.
9. Goold G. P. *Catullus 3. 16 // Phoenix*. 1969. Vol. 23. P. 186–203.
10. *The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / Ed. by A. S. F. Gow, D. L. Page*. Vol. 2. Cambridge: University Press, 1965. V. 716 p.
11. Herrlinger G. *Antike Tier-Epikedien: Inaug.-Diss*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1929. 56 s.
12. Johnson M. *Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal*. 2003. Vol. 99. P. 11–34.
13. Lefèvre E. *Die Metamorphosen des catullischen Sperlings in einen Papagei bei Ovid (Amores 2, 6) und dessen Apotheose bei Statius, Strozzi, Lotichius, Beza und Passerat // Ovid: Werk und Wirkung / Festgabe für M. von Albrecht zum 65. Geburtstag*. Frankfurt u. a., 1999. Bd 1. S. 111–135.
14. McKeown J. C. *Ovid. Amores: Text, proleg. and comm. Vol. 3*. Leeds: Francis Cairns, 1998. 433 p.
15. Van Dam H.-J. P. *Papinius Statius. Silvae. Book II: A Commentary*. Leiden: Brill, 1984. 539 p.
16. Walters K. R. *Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World*. 1976. Vol. 69. P. 353–359.

Поступила в редакцию 11.08.2017